Л. М. РЕИСНЕР

УГОЛЬ ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ
(Кизелстрой)

Зеленые леса открылись посредине, как книга. И чтобы она не захлопнулась, между двух листов положена синяя закладка — ясная, веселая уральская речка Косьва. Горные плечи ее берегов,— все, что кругом дымится синим дымом пространства,— уголь и руда, руда и уголь. Этот естественный склад пока еще мало исследован,— промышленность слаба и не пожирает половины того, что ей уже теперь могли бы дать мощные Егоршинские копи, колодцы Кизела, Губахи и Челябинска. О расширении пока думать не приходится.

Через 20 лет Медвежьи горы Кизела станут великой промышленной столицей: сейчас это — тайга, где вместо угля собирают малину и вместо руды рубят стройную строевую сосну. Пока во всем районе работают только Кизеловские копи. Правда, это огромное предприятие, имеющее в своем центре три колодца, сильную шахту в Половинке и три — в Губахе, верстах в 20 от Кизела. Такими расстояниями считаться нельзя, подземные работы здесь измеряются десятками верст, годовая добыча — миллионами пудов. Кизелкопи — целое подземное царство со своей

столицей — «Лениным»*, опускающимися на 200-саженную глубину широкими и пологими ходами; со вторым колодцем, где пласты ложатся капризным и тонким слоем, с низким потолком, с шахтами, в которых работают, не разгибая спины, упав на колени, с опущенной головой, нанося углю коварные удары снизу вверх. У Кизела есть свои центры и окраины — отдаленная Половинка, свои подземные шоссе, по которым носятся электровозы с типичным трамвайным звонком; проселочные дороги, свои тропинки, затерянные в черной подземной тайге, где в вечной ночи бредет близорукая лошадь. Есть площади, окруженные 272-саженной стеной богатейшего топлива, блестящего, как кираса, правильного, как гранит набережных, охвативших берега угольного озера. У Кизела свое время, своя вечность, непохожая на денную. Там нет солнца, нет дня, нет ночи. Есть только труд, всегда черный, всегда ночной, разломанный на 3 равных восьмичасовых куска, из которых каждый весит сотни пудов. Наверху, где зеленое и белое, свет и лето, начало дня отмечено падением росы. Роса подземная не высыхает никогда. Земля непрестанно потеет; штольни увлажняются все больше и больше по мере того как опускаются. Перила становятся ледяными и влажными, как порочные руки; к молчанию земли присоединяются сперва равнодушное и звонкое падение капель, потом легкий лепет, потом громкая болтовня расходившихся ручьев и, наконец, холодное и угрожающее шуршание вод, непрерывно льющихся в глубину. У Кизела подземного — свое время, свои росы, свои воды и, наконец, свой огонь. Под землей пламя и вода живут дружно, они помогают друг другу против людей. В самых мокрых забоях огонь спокойных горняцких лампочек вдруг начинает дрожать, тревожно пригибая к решетке свой желтый язычок: его тревожит едкое выделение подземной гари. Назойливое тепло поливает людей двойной влагой: водой и потом.

И возлух у копей тоже особенный, ни на что не похожий. Как бы ни заблудился шахтер, если он встанет и прислушается в темноте, то среди плеска, шороха и молчанья различит едва слышное шипение воздуха, вытекающего из воздуходувной трубы невидимыми дырочками. Потух фонарь,— все равно протянутая рука в темноте найдет и нащупает эту глотку, эту длинную, вытянутую чугунную шею, по которой воздух вдувается в подземелье. Она вездесуща: в «ходовой» штольне, рядом с бешено заломленными перилами, поднимающимися к свету из про-

пастей, в болоте мокрых забоев, в тупиках, где вода и молчание, в жару штреков, сжигаемых невидимым жаром; везде, где человек заносит кайло или вонзает в уголь гарпун скрежещущего механического лома; везде, где он в изнеможении подымает фонарь, чтобы сосчитать над своей головой непройденные ступени; везде, где труд железными когтями машин выдирает уголь из пустой породы; везде, где он отдыхает, облитый потом, с грудью, вздыбленной разрывающим ее дыханием, готовой треснуть от прилива крови на скрипящей клетке ребер, ставших горбом,— везде рядом с горнорабочим идет в бой против черных сверкающих стен этот его неизменный союзник — животворящий воздух.

Машина, нагнетающая живое дыхание под землю, живет высоко, в одном из светлых аристократических этажей, в покойной, чистой комнате. Люди сделали все возможное, чтобы она, драгоценная, не чувствовала своего плена. Дом ее залит светом. Потолок высоко поднят над головой. Уголь покрыт бетоном и не смеет переступить порога этой белой тюрьмы. На целую версту мокрый и тяжелый мрак согрет сухим, здоровым теплом заживо погребенной машины. Земля, тяжело напирающая со всех сторон, сквозь вечный свой сон смутно различает непрестанный, могучий и радостный трепет силы, исходящей из одиночной камеры компрессора. Вечная ночь, шатаясь и жмуря свои залитые сыростью глаза, отступает перед божественным сиянием электричества, брызжущим из дверей этого одинокого жилища.

Но силовые станции Кизела изношены и перегружены. Их энергии едва хватает на то, чтобы проветрить работающие легочные мешки Кизелкопей. Все чаще становятся перебои, остановки, поломки, которые, правда, удается выправить после нескольких часов лихорадочной работы, но все чаще на дне копей забои и штреки плавают в густом, зеленоватом дыму: это — ядовитый газ взрывов, медленно переползающий со ступени на ступень, на четвереньках ползущий вдоль стен, мотая из стороны в сторону низко опущенной дымной гривой. Фонари штейгеров тревожно отступают перед ним. Есть в этом сладковатом, ванильном и горьком запахе что-то насильническое, хватающее жизнь за горло душными и злыми лапами. А на станции опять заминка,—вентиляция не действует, копями овладевает головокружение. На «Володарских», где работают не подымая головы, где люди, как елки на рождестве, с упертой в потолок, мучительно-согнутой верхуш-

кой, фонари тревожно бегают от забоя к забою. Нет тока! Напрасно углекопы наваливаются грудью на рукоятки радиолаксов. Их оружие слабеет и бессильно выпадает из раны, нанесенной угольной глыбе. Жаркая лень расползается по забоям, раздраженные и задыхающиеся люди курят, лежа на угле. Кровь часто и громко ударяет в висок, как заваленный шахтер, который обстукивает стены, ища и не находя выхода. Бросая работу, старики прикрываются рукой, как будто их ударило по глазам, и ползут сажен на сто выше: напиться и подышать. Молодые, раздраженные недостатком воздуха, сбрасывают рубахи и подставляют голову и грудь сернистой воде, текущей со стен, от которой кожа сперва краснеет и собирается, как слюна от лимона, а потом раздается и дает трещину.

Опять нет тока!

Насосы пресыщенно и неохотно тянут воду, которая шумит и прибывает. Вся гора в припадке астмы.

Первые припадки удушья в Кизелкопях начались еще во время гражданской войны. Может быть, тогда их меньше замечали за голодом и тем равнодушием, которое их сопровождает. Кроме того, работали не так напряженно, как теперь: только бы не погибнуть самим и не дать погибнуть копям. Но теперь, когда вся шахта от каталя и до директора участвует в борьбе за увеличение производительности труда; когда на угольном рынке вдруг появился кузбассовский кокс, пробежавший тысячи верст по железным дорогам и ухитрившийся сохранить свою дешевизну, когда копь в две недели принуждена была скинуть чуть не три копейки с пуда, чтобы устоять,— теперь всякая остановка в работе — катастрофа. Время стало ценным, и ценность эта непрерывно растет. И вдруг копь, охваченная тошнотой, принуждена бросить лопату и ползти к выходу, чтобы не потерять сознания.

Воздуха, воздуха, воздуха.

Наконец на днях Половинка едва не стала совсем. Инженеры с часами в руках держали пульс больных машин, высчитывая час их остановки. Висели на телефонах, нарочные загоняли лошадей, электрики круглые сутки не выходили из копей, занятые срочным ремонтом.

Маленькая станция еще продолжала хлопотать, новее неравномернее, все слабее. В минуту крайней опасности, когда вода и удушье начали заливать нижние забои, по Дряблым старушечьим проводам Половинки хлынула мощная омоложающая волна электричества. Откуда?

Два года тому назад, в самое голодное и тифозное вре-

мя, верстах в 20 от Кизела, на той же необъезженной горячей речке Косьве, которая очертя голову бежит с гор, была заложена мощная районная электростанция. Прежде всего она должна была прийти на помощь одряхлевшим машинам копейД но задумали ее и выстроили не ради тех 600 киловатт7"которыми она уже сейчас прикармливает Половинку и Губаху, и даже не ради тех 6000 киловатт, которые у нее возьмет весь трест в целом.

. Строя этот силовой колодец в Медвежьих кизеловских горах, республика обеспечила себе дешевую энергию для целого промышленного округа с радиусом в 300 верст. Возникновение Кизелстроя, или, как гласят ее инициалы, ГРЭС, не только обеспечивает удешевление тех 40 млн. пудов угля, которые товарищ Сажин в этом году надеется извлечь, но рождение ГРЭС предопределяет возникновение в ближайшем будущем нового угольного района, целого ряда копей, рудников и заводов'с высокомеханизированным производством и дешевой продукцией.

Со стеклянной крыши ГРЭС видно на много верст вокруг. Слева, на горе, покрытой щетиной лесов, светлеет широкая просека—воздушная дорога, по которой электричество пойдет к Кизелу. Через 5 лет эти леса исчезнут; /там, где сейчас, как земляника в траве, краснеет крыша больницы, этой жалкой походной больницы с деревянными койками, на которых за два года померло больше 300 рабочих-строителей, на место этого барака, может быть, станет завод или железнодорожная станция^ Справа тянутся стиснутые ряды рабочих бараков, где люди спят, едят и задыхаются в грязи, где семьи валяются вперемежку с холостыми, не имея, таким образом, ни минуты покоя, где вообще живут так, как живет пролетариат по всему Уралу, если не по всей промышленной России, нищенствуя и нечеловеческими усилиями вытаскивая из нищеты советскую промышленность., Что же будет на месте этих казарм — завод, новая шахта или дворец труда? Если в годы этой нищеты русский пролетариат не поскупился заплатить 300 человеческих жизней за великолепную станцию, которая в течение ближайших десятилетий будет ему выкармливать новорожденные заводы, то что же будет, когда он немного отдохнет, отъестся, отстроится и подучится? Можно ошалеть от гордости, бегая вокруг этого великолепного серого здания, уставившегося саженными окнами на лохматую тайгу, изрубленную, отброшенную на тот берег, напуганную громом топоров и мащинными голосами.

^Станция еще не совсем подчистилась. Вся площадь вокруг нее завалена следами и остатками строительных родов. Изможденные китайцы-рабочие, пошатываясь, сносят мусор на носилках и сжигают его. Из воды еще торчат мокрые головы свай, которые не успело снести половодье: это воспоминание о самой трудной части работы, когда надо было рыть канал длиной в 200 метров на 5-саженной глубине, чтобы ввести реку внутрь станции. Устройство бетонного лотка велось ниже уровня реки, при сильном напоре горных вод, на пайке и жалованье лютого 21—22 года, почти без помощи машин, без спецодежды и без денег, притом в Кизеле с его суровым, переменчивым климатом, в котором до сих пор, несмотря на лучшие условия жизни, 90 процентов детей родится с ясно выраженными признаками туберкулеза. Внутри здание заканчивается. В зольном отделении, несмотря на тихий пепельный дождь у подножия четырех котлов и сильную примесь серы в угле, светло и хорошо дышать. В котельном — радостное столпотворение свежих лесов. От пола, посыпанного бетонной пылью, до стеклянного потолка, до самого верха двухрядной залы стоит белый сосновый лес, облепленный людьми, и трепещет под тяжестью машинных частей, доставляемых наверх. Только половина дворца занята четырьмя котлами (Бабкок-Вилькокс) морского типа 17 года, площадь нагрева 350 квадр. метров, другая половина пустует, готовая принять вторую шеренгу котлов. Светло, огромно, как в детской у гигантов: выдержит любое расширение, любой рост. Вагонетки с углем пока еще забегают в самое здание, чтобы опрокинуть в рот печей свои жалкие 5—6 пудов. Печные с неудовольствием убирают мусор, занесенный в светлый машинный дом грязными подолами вагонеток-поденщиц. Скоро они будут изгнаны. Уже достраиваются башня и железный рукав, при помощи которых уголь механически будет поступать в топки. Полки чернорабочих осторожно проносят тяжелые части машин. На мостках, среди дере'ва и сырой известки, пил, молотов и гибких деревянных ребер, поют плотники. Маленькая временная кузница гремит целым водопроводным заводом. Стройный монтер в высоких уральских сапогах осторожно пробирается наверх, где в особых баках выстаивается запас выдерживаемых вод. Только поднявшись на самый верх, чувствуешь всю великолепную, 18-саженную высоту этого здания. Но и тут к торжеству и лихорадке последних работ примешивается полевая горечь деревни, хвойный шум о пашне и хлебе,

а не об этом барском доме, в котором будет жить одно электричество. Каменщик потихоньку ропщет, отделывая свой карниз: «Вкруг все здание обошел за эти два года. Из наших тут старик Якимов был, с ним на полустанке фундамент вели под самый цоколь и на бетонах. Простыл, говорю, и помер».

«Я хочу назад в Казанскую,— кто из земли родился, в землю и надо. Если все пролетарцами будут, кто же хлеб сделает?» Так накануне трудовой победы на вершине своей постройки работает и жалуется о земле мужик.

Турбогенераторы. Черные, блестящие, каждый на 8000 вольт, покоятся, как лев и львица. Их помост держат бетонные столбы, опутанные ветвями воздуходувных труб. У каждой машины свое биение и свой голос, но ничто не сравнится с ровным гулом силы и спокойствия, которым турбины наполняют весь дом. Им некогда ждать, пока высохнут полы. Им ничего не нужно, кроме фундамента, способного нести их царственную тяжесть и неприметную вибрацию, способную расшатать скалу. Пусть внизу бетонщики заканчивают мокрый пол; едва переступив порог, едва сбросив тяжелую дорожную одежду, турбины уже начинают работать среди голых стен, у подножия огромного окна, наполненного небом.

Рабочие в этом отделении — не крестьяне на фабрике, а настоящие пролетарии. Бетонщики-штукатуры. Товарищ Шеврин брал Перекоп, а потом рыл канал на Кизелстрое. В армии ему больше не быть. Ревматизм расслабил и раздул его кавалерийские ноги. Товарищ Аняпов бился за Полоцк, потом строил перекрытие в зольнике, наводил полы, крепил фундамент ГРЭС. Теперь эти два солдата в холщовых передниках каменщиков, густо посыпанные минеральной мукой, готовят пол, на который через пару лет обопрутся новые 16 000 вольт.

Теперь о святая-святых Кизелстроя, о его главном распределительном щите, о щите собственных нужд, о замкнутых камерах, в которых живут «Umformer'bi»; как описать невежественному и самонадеянному журналисту тихие залы, где ни к чему нельзя прикоснуться, где стены покрыты сплетением синих, красных и белых жил, проводниками движения, силы и света. Нужно быть техником, и техником высококвалифицированным, чтобы оценить стол измерительных приборов, понять дрожание стрелок с их одинаковым отклонением, выразительный язык циферблатов, окружающих розовый мрамор щита толпой белых подсолнечников. Светлые и безлюдные комнаты, неболь-

шие хрупкие машины, от которых веет теплым ветром силы, налагают особый отпечаток на занятых возле них людей. Глядя на молчаливые фигуры у столов, каждые полчаса заносящие в книгу жизни трепет этих непостижимых для профана вольт и амперов, иа лица, синеватые от напряженного сияния, сутулые плечи и тонкие руки математиков, пожалуй, не скажешь, что и они — старые солдаты революции, по четыре года таскавшие винтовку. Вот товарищ Олехов, дежурный по щиту, коммунист 18-го года, солдат 5-й армии, прошедший с ней от Глазова до Байкала.

Вот Пшенников, заведующий управлением всех приборов, дравшийся в Уфе, и много еще других, два года по щепке, по волоску собиравших эту станцию, занявших наконец каждый свое место в бесшумных залах, где благоговейная тишина как бы разрезана этими 6000 вольт, которые ее пересекают стволами проводов, тщательно завернутыми в шелк.

Товарищ, стоявший во главе Кизелстроя, так же, как люди, занятые у щитов, соединяет в себе редко соединимые вещи: коммунизм и опыт блестящего инженера. Это товарищ Тишевский, старый член ЦК и один из лучших польских электротехников.

Среди груд мусора, сжигаемого теперь возле станции, есть небольшой деревянный дом, который часто по мере надобности перетаскивали с места на место. Это завком Кизелстроя. Товарищи не только работали в этой переносной скорлупе, но многие из них там же жили, чтобы в любой момент быть возле постройки. К сожалению, недостаток места не позволяет мне остановиться подробнее на работе каждого из них, работе исключительно трудной (начатый в 1922 году Кизел достроен в 2 года не только хорошо, но и безукоризненно быстро). Вот один из этих людей, ухлопавших на ГРЭС все свои силы, вышедший инвалидом из двухлетней трудовой войны. Это товарищ Полыгалов (член или предзавкома). Характерно, что товарищ Полыгалов совершенно не замечает, как он измучен и нервен. Его трудовой и партийный стаж: в партии с 17 года, с августа — в Красной гвардии, потом в 30-й дивизии Блюхера. Поход от Богоявленска уже помвоенкомом 263-го полка, в 21-м году Полыгалов — военком отряда по борьбе с бандитизмом, в 22-м году — на Кизелстрое, в 25-м — или отпуск и санаторий на год, или конец.

1924